

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Д. НОВОСЕЛОВ

ВЗВОД ПИСАТЕЛЕЙ

О ГАЗЕТЕ «ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ» 1 КИРОВСКОЙ ДИВИЗИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

«За Советскую Родину. Красноармейская газета Н-ской части. Воскресенье, 3 августа 1941 г.». Над клишированным заголовком крупным полужирным шрифтом набрано: «Прочитай уничтожь, нужное вырежь».

Почему-то этот экземпляр газеты я в то горячее время не уничтожил. Наверное потому, что на первой полосе напечатано мое стихотворение — первое стихотворение, которое я написал на фронте. Вложенный в «Неуча» Глеба Алехина и засунутый в противогазовую сумку, маленький газетный листок был вынесен мной из окружения, чудом не попал на растопку в блокадную «буржуйку» и долгие годы в пачке других бумаг пролежал на нижней полке книжного шкафа, пока я шагал по фронтовым дорогам от Ленинграда до Праги, работал после войны на Урале и Дальнем Востоке.

Недавно выяснилось, что несколько разрозненных номеров нашей дивизионной газеты случайно сохранилось и у моих друзей.

Мы бережно разворачиваем обветшалые, потертые на сгибах страницы почти четвертьвековой давности. Простая бесхитростная верстка. Бледноватая печать. Один-единственный текстовый шрифт — старенький, изрядно поношенный корпус, набранный вручную. Призывные, мобилизующие шапки. Заметки бойцов, командиров, политработников. И рядом с ними — статьи и корреспонденции, репортажи и литературные зарисовки, подписанные именами, знакомыми многим читателям еще по мирным, довоенным дням: Сергей Семенов, Геннадий Гор, Дмитрий Остров, Павел Журба, Александр Бартэн, Николай Жданов, Виктор Бакинский, Алексей Дорохов, Юрий Слонимский, Арсений Островский, Павел Кобзаревский, Александр Рыбасов, Евгений Люфанов, Георгий Кубанский, Василий Валов; литературоведы — Иеремия Айзеншток, Алексей Десницкий, Исаак Ямпольский. Стихи Сергея Спасского, Евгения Панфилова, Петра Ойфы, Владимира Лифшица, Константина Высоковского. Короткие рассказы Глеба Алехина и Владимира Тобоякова. Стихотворные фельетоны Леонида Браусевича и Александра Бычкова.

Среди множества выходивших на фронте дивизионных газет, далеко не всегда укомплектованных достаточно квалифицированными литературными кадрами, газета «За Советскую Родину», постоянными сотрудниками и военкорами которой были более 30 ленинградских писателей, представляла собой явление в некотором роде исключительное. Она выходила в июле — сентябре 1941 г. в 1 Кировской дивизии Ленинградской армии народного ополчения, печаталась сначала в полевой походной типографии, оборудованной в кузове грузовика, а с двадцатых чисел августа — в типографии городской газеты в Пушкине.

Н. Д. НОВОСЕЛОВ

Фотография. Ленинград, 9 июля 1941 г.
Музей Кировского завода, Ленинград

Это была первая созданная в Ленинграде дивизия народного ополчения. Она родилась во вторую неделю войны за Нарвской заставой, где на одном только Кировском заводе около 15 тысяч человек изъявили желание добровольцами пойти на фронт. Удовлетворить все эти желания — значило бы лишить предприятие, работавшее на оборону, половины квалифицированных кадров. Заводу разрешили сформировать только один стрелковый полк, артиллерийский полк и разведбатальон. Второй стрелковый полк дали судостроители завода имени Жданова — бывшей Путиловской верфи.

Третий стрелковый полк формировался в Дзержинском районе. Именно там, в старинном здании на Фонтанке, в нескольких кварталах от Дома писателя имени Маяковского, создавалось подразделение, которое вошло в историю дивизии, в историю Ленинградского народного ополчения под названием «взвод писателей».

«Настал момент, когда наряду с пером в наших руках должна быть винтовка, а наше место — в строю, плечом к плечу с рядовыми бойцами, — заявили ленинградские литераторы, вступая в ряды народного ополчения. — Мы приносим священную боевую клятву — мужественно, не щадя жизни, выполнить долг, который возлагает на нас грозный час, переживаемый Родиной»¹.

В политотделе дивизии за Нарвской заставой не сразу узнали, что один из взводов 3 полка целиком состоит из писателей. И поэтому, когда в первых числах июля, уже накануне отправки на фронт, был решен, наконец, вопрос о создании дивизионной газеты, редакцию срочно сформировали на Кировском заводе. Редактором был назначен Сергей Львович

Перчук, редактировавший заводскую многотиражку «Кировец», меня утвердили ответственным секретарем редакции. Было мне в ту пору 19 лет. Я работал в конструкторском бюро, куда незадолго до войны перешел из редакции «Кировца», был членом заводского комитета комсомола, писал наивные юношеские стихи и очень гордился тем, что два лирических стихотворения с месяц назад были приняты журналом «Ленинград» и их обещали напечатать в одном из июльских или августовских номеров. Война изменила планы журнала, и мне довелось дебютировать в нем только спустя два года, — уже не мирной, а фронтовой лирикой...

— Как назовем газету? — задумался на минуту начальник политотдела, бывший председатель завкома Кировского завода Д. А. Подрезов, вызвавший к себе меня и редактора. — «За Советскую Родину». Подходит такое название? Действуй!

Художник заводской редакции Илья Быстров сел рисовать заголовок, а мы с Перчуком отправились в Петропавловскую крепость, оттуда — в типографию Балтийского пароходства: оборудовать автомашины, укомплектовывать штаты наборщиков и печатников.

Поздно вечером 10 июля на станции Ленинград-Витебская товарная два грузовика — трехтонка и полуторка — с высокими фанерными кузовами, наспех покрашенными в зеленый цвет, въехали на железнодорожную платформу воинского эшелона. В трехтонке — наборные кассы, старенькая плоскостатная «американка», жестянки с краской, фонари «летучая мышь». Накрытые брезентом кипы бумаги. Здесь же, скинув пилотки и расстегнув ворота гимнастерок, расположились наборщики и печатники — немолодые уже рабочие из типографии газеты «Советская Балтика».

Все оборудование полуторки состоит из узких дощатых скамеек, приколоченных вдоль бортов. Мы с Перчуком расстилаем в кузове шинели, подкладываем под головы вещмешки. И хотя не спали до этого почти двое суток, засыпаем не сразу. Какова-то будет завтра сводка Информбюро? Накануне гитлеровцы заняли Псков...

Белая ночь уже на исходе, когда эшелон заканчивает погрузку и трогается. Остались позади Пушкин, Павловск, Вырица. Проехали Новинку, Оредеж. На каком-то разъезде, пропуская наш состав, стоит эшелон запыленных теплушек с беженцами. В пути их уже бомбили, и они с тревогой поглядывают на утреннее безоблачное небо: вот-вот могут появиться вражеские самолеты.

Поезд приближается к узловой станции Батецкая. Здесь пересекаются железнодорожные пути на Дно и Новгород.

— Приготовиться к выгрузке! — разносится по эшелону.

У самого полотна железной дороги — свежие воронки от бомб. В пристанционном скверике — небольшой могильный холм, укрытый еще не успевшими завянуть цветами. Здесь несколько часов назад, на рассвете, приняли боевое крещение ополченцы 1 полка нашей дивизии: их эшелон разбомбили немецкие летчики.

Тяжелые автомашины, тягачи, пушки, гаубицы съезжают с платформ и укрываются в ближайшем леске. Бойцы маскируют их ветками.

Вскоре мы уже едем по грунтовой дороге в сторону Новгорода. По дороге тянутся колонны ополченцев. Потемневшие от пота гимнастерки, скатки через плечо, синие диагональные броуки, неумело накрученные обмотки. Брезентовые поясные ремни, отягощенные подсумками, саперными лопатками, котелками, флягами. И такие же новенькие брезентовые ремни у видавших виды винтовок и карабинов, с которых еще не стерта цейхгаузная смазка, — оружие выдали ополченцам перед самой посадкой в эшелоны. В последний раз из этих винтовок стреляли, наверное, в дни обороны Питера от Юденича или при кронштадтском штурме... Многие винтовки без штыков, а некоторые и без ремней, — бойцы несут их в ру-

ках. Лишь два человека в дивизии — заместитель комдива и командир одного из полков — вооружены автоматами.

Идут сталебары и фрезеровщики, мастера и начальники участков, партийные и комсомольские работники, студенты, ремесленники, ученые. Многие прихрамывают: грубыми неразношенными ботинками до крови натерты ноги... Самоотверженно шагают девушки с тяжелыми санитарными сумками. Выделяются своей выправкой командиры запаса — участники гражданской войны и войны с белофиннами. Большинство же ополченцев никогда не воевало, многие даже не служили на действительной, — в лучшем случае проходили краткосрочные лагерные сборы. Боевая подготовка дивизии перед отправкой на фронт не продолжалась и недели.

Густая душная пыль. Июльский палящий зной. Где-то в этой, растянувшейся на несколько километров колонне шагает подразделение писателей.

Мы встретились с ним дня через два в Больших Терибонях — старинном русском селе на берегу реки Луги. Выглядит взвод довольно пестро. Трудно представить себе коллектив людей, более несхожих по облику и характеру, по возрасту и жизненному опыту, по своим творческим привязанностям и вкусам. Маститые прозаики, чьи романы и повести выдержали по несколько изданий, — и литераторы, еще не выпустившие и первой книжки... Бурные в проявлениях своих чувств поэты — и степенные профессора-литературоведы... Молодые критики, которые, пройдя дороги войны, начнут писать художественную прозу... Драматурги малых форм — авторы эстрадных скетчей и пьес для кукольного театра... Переводчики... Очеркисты... В довоенные времена многие из них месяцами не виделись друг с другом, лишь изредка встречаясь на собраниях в писательском клубе.

Возглавляет писательское подразделение батальонный комиссар Сергей Александрович Семенов. Высокий, смуглый, сутуловатый, с прищуренным взглядом узких «монгольских» глаз. Ему 47 лет. Он коммунист с 1918 года. Когда я смотрел на него, мне вспоминались строчки Багрицкого: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед...». Эти строчки имели прямое отношение к биографии С. А. Семенова. Только очень близким людям было известно, что здоровье Сергея Александровича оставляет желать много лучшего, что все чаще дает о себе знать застарелый недуг, полученный 20 лет назад, когда Сергей Семенов в цепи красноармейцев лежал на льду Финского залива перед последним штурмовым броском на захваченные мятежниками форты Кронштадта...

На нем фуражка с красным околышем, сохранившаяся с финской кампании, к габардиновой гимнастерке накрепко привинчены ордена Трудового Красного Знамени и Красной Звезды — награды за участие в легендарных арктических экспедициях на «Сибирякове» и «Челюскине». В ледовом лагере Шмидта писатель Сергей Семенов был секретарем партийной организации, редактором стенной газеты «Не сдадимся!». Еще мальчишкой, школьником я прочел его книги «Голод», «Наталья Тарпова», «Записки челюскинца»...

Среди писателей нашлось немало людей, хорошо знающих специфику газетной работы. Большую группу литераторов включили в аппарат редакции. Остальных распределили по частям и подразделениям. Во всех полках и отдельных батальонах у газеты были теперь свои постоянные военные корреспонденты. Трое литераторов получили почетное поручение быть историками при штабе дивизии.

С. Л. Перчук так и не успел подписать ни одного номера дивизионной газеты. По прибытии в Большие Терибони его отозвали в политотдел. Он героически погиб в период августовских боев при переправе через реку

Оредеж. Редактором на некоторое время стал бывший культпроп партийного комитета Кировского завода Я. Г. Окулов, но вскоре его сменил С. А. Семенов. Всю техническую работу по выпуску газеты возглавил А. Г. Островский, ставший по существу начальником типографии.

Сидячая секретарская должность не пришлась мне по душе. Гораздо больше привлекала живая корреспондентская работа, поездки в подразделения, на передний край, — там у меня было много друзей по школе и пионерлагерю, по заводу и комсомольской работе. Ответственным секретарем редакции фактически стал И. Г. Ямпольский, потом его заменил А. А. Дорохов.

15 июля походная типография вступила в строй — напечатала отдельной листовкой принятое по радио сообщение Совинформбюро. Тем временем редакция готовила первый номер газеты. Редакционная полуротка развозила писателей по частям и подразделениям. Вычитав корректуру очередной листовки, я получил задание: направиться в политотдел, а оттуда — в 1 стрелковый полк, где в качестве военкоров находились писатели Виктор Бакинский, Константин Высоковский и Павел Ипполитов.

Дивизия занимает боевые позиции в восточном секторе Лужского оборонительного рубежа, в 50 километрах юго-восточнее города Луги. Фронт ее растянулся километров на 30 вдоль шоссе на дороги на Шимск. Позади нас — крутая излучина реки Луги, справа — линия железной дороги Ленинград — Дно, с крупными станциями Уторгош и Передольская. Перед нами поставлена задача прикрывать Новгородское направление. Когда мы двигались сюда от Батецкой, не исключена была возможность, что дивизии прямо с ходу, с марша придется вступить в бой: заняв Псков, немецкие танки и мотомеханизированная пехота устремились к Луге и Новгороду. Но в середине июля войска 11 армии нашего Северо-Западного фронта нанесли противнику сильный контрудар. В районе Сольцов они окружили и уничтожили танковую дивизию врага и тем самым временно приостановили его наступление на Новгород. Ополченцы-кировцы получили возможность заняться укреплением своих рубежей, строительством оборонительных сооружений, боевой учебой в полевых условиях.

В политотделе, в лесу близ деревни Танина Гора, только что закончилось совещание. Среди политработников, ожидающих попутные машины к переднему краю, — 22-летний инструктор политотдела Даниил Герман. Еще совсем недавно мы почти каждый день встречались на Кировском заводе, где молодой инженер Давя Герман был заместителем секретаря комитета комсомола, выступал с интересными статьями на страницах многотиражки. После войны он станет известен как писатель Даниил Гранин.

Здесь же пропагандист 1 полка старший политрук Матвей Мительман. Его лично знал А. М. Горький и, как вспоминает академик И. И. Минц, в свое время говорил о нем: «Вот один из лучших молодых участников нового пополнения писателей...»² Алексей Максимович горячо поддержал стремление краснопутиловского разметчика работать в трудном, новаторском для советской литературы жанре научно-художественной монографии. В соавторстве с прозаиком Антоном Ульяновским и молодым поэтом Борисом Глебовым Мительман написал фундаментальный труд «История Путиловского завода». Книга в короткое время выдержала два издания, «Правда» отметила ее выход большой рецензией Д. И. Заславского. М. И. Мительман защитил кандидатскую диссертацию, одну за другой выпускал новые книги, но подавать заявление о приеме в Союз писателей пока что не спешил... А когда за Нарвской заставой начала формироваться добро-

вольческая дивизия, он, уже будучи научным сотрудником Ленинградского института истории партии, пришел в партком родного Кировского завода и попросил зачислить его в ополчение.

Вместе с Мительманом в кузове грузовичка едем из политотдела в полк. Машина подпрыгивает на ухабах. К самой обочине подступает высокая колосистая рожь. На нескошенных лугах — густые травы по пояс, крупные цветы ромашек и колокольчиков. Уже виднеются избы Глухого Бережка — деревни, где расположен полковой штаб, — как вдруг в небе появляется несколько самолетов.

— Воздух!

Машина круто сворачивает в перелесок, укрывается под деревьями. Мы выпрыгиваем из кузова и остаток пути идем по тропинке, затененной кустарником. Худощавый, рыжеволосый Мительман, как всегда, энергичен, подвижен. Лицо красновато от загара, не успевшего потемнеть. Жестикую, близоруко шурясь, он рассказывает о писателе Павле Ивановиче Ипполитове, который уже неделю живет в полку в качестве военного корреспондента дивизионной газеты. Я Ипполитова знал тогда еще мало; видел в редакции один или два раза. Мне было известно только, что этот пожилой скромный человек — участник гражданской войны, автор романа-хроники «Перекоп». Мительману довелось познакомиться с ним на фронте ближе, и он говорит об Ипполитове с большой симпатией.

— Начал Павел Иванович с того, — рассказывает Мительман, — что перезнакомился с нашими «старичками». Ты же знаешь нашу путилевскую старую гвардию: каждый человек — книга. Один с Иван Ивановичем Газа на бронепоезде служил, другой немцев под Нарвой бил, третий с Юденичем воевал, четвертый — с Деникиным... Клад, золотая жила для писателя! И люди тоже потянулись к Ипполитову. Соберутся несколько человек, закурат — и хоть стенографистку приглашай — вечер воспоминаний записывать. Слушал их Павел Иванович, расспрашивал, а потом говорит: «Давайте-ка расскажем обо всем этом нашей молодежи. Во взводы пойдем, в отделения. Может, боевой наш опыт и в нынешней войне молодым пригодится». И что ты думаешь — целый цикл бесед о гражданской войне провели. Интереснейшие вещи услышала молодежь! И много весьма для себя поучительного...

Из штаба полка идем в штаб батальона, оттуда по проводу, а потом по ходам сообщения — на командный пункт роты. Ополченцы уже успели отрыть окопы полного профиля, построили несколько дзотов. Мительман ведет меня к зеленеющему над окопом кусту. Кустом искусно замаскирован шалашик. Здесь можно укрыться от палящего солнца, утолить жажду родниковой водой из солдатского котелка... Перевернутый ящик, замаскированный стол, накрыт куском фанеры, на нем лист бумаги с красочным заголовком: «Боевой листок». Молоденькая сандружинница, недавно работавшая копировщицей в конструкторском бюро, переписывает заметки четким чертежным шрифтом. Оригиналы заметок торопливо написаны карандашом на листах, вырванных из блокнотов и тетрадок, и аккуратно выправлены. В правке нетрудно узнать руку поэта Константина Высоковского, его характерный убористый почерк. А вот и написанные им самим заметка и стихотворение...

— Спасибо писателям! — говорит Мительман. — И Высоковский, и Бакинский, и Ипполитов очень помогли нам. «Боевые листки» сейчас регулярно выходят во всех подразделениях. Ну, и наши заводские литераторы не остались в стороне от этого дела.

А литературными силами полк, сформированный на Кировском заводе, не беден. Воентехник Валерий Виноградов — автор нескольких книг; его роман «Линия наибольшего сопротивления», посвященный краснопутиловским тракторостроителям, вызвал в начале 30-х годов оживленные

разговоры в прессе. Комсорга полка Павла Пташкина молодежь Нарвской заставы знает как способного начинающего поэта, его стихи печатались в заводской многотиражке, появлялись в областной комсомольской газете «Смена». Командир взвода Николай Елисеев — опытный журналист. У техника-интенданта Дмитрия Белгорая, активного рабкора «Кировца», вышла перед войной интересная брошюра о передовиках производства турбинного цеха...

С писателями в ту первую поездку в полк мне повидаться не пришлось, но присутствие их я ощущал там всюду.

Вернулся в редакцию, переночевал, сдал материал в газету, и снова в путь, теперь уже во 2 стрелковый полк, где нашими военкорами «два Жени» — драматург Евгений Люфанов и поэт Евгений Панфилов.

Строчки стихов Панфилова я помнил с детства: он был первым поэтом, которого я увидел однажды в клубе «Красного путиловца». Заставские ребятишки частенько пробирались туда и терпеливо просиживали длинные доклады и лекции в ожидании волнующих минут, когда в зале погаснет свет и на экране вспыхнут заглавные титры фильма... Но в тот раз вместо очередного лектора на сцену вышел белобрысый паренек в распахнутой кожанке с торчащими из кармана журналами и начал декламировать звонкоголосые, певучие стихи. «Сам сочинил!» — восхищенно толкнул меня в бок приятель. А взрослые, сидящие сзади нас, говорили о Панфилове как об одном из талантливых пролетарских поэтов, о том, что его знал и ценил сам Есенин... Потом я встречал Панфилова уже немолодым, бледноватым от усталости, в потертом пиджаке, карманы которого всегда

Прочитай уничтожь, нужно выречь,

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Красноармейская газета Н-ской части. Воскресенье, 3 августа 1941 г.

ВЗАИМОПОМОЩЬ И ВЫРУЧКА В БОЮ

Боевой устав гласит: Каждый боец должен стремиться к взаимной выручке и во всех случаях помогать товарищу огнем, штыком, гранатой, лопатой, лезвием сабельным.

Печать полна фактов героизма. Так, однажды рота фашистов напала на взвод красноармейцев. Под ураганным огнем врага взвод нес огромные потери. Тогда пулеметчик, рискуя жизнью, встал на пути во фланг роты и прижал к себе огонь фашистов. Ограбленный взвод стрелкового отделения бросился в атаку, уничтожив большую часть фашистов и далеко отогнал остальных. Герой-пулеметчик погиб, но своей смертью он обеспечил победу над врагом и жизнь большинству бойцов взвода.

Скромный подмошник патрона также может выручить всех товарищей. В одном из боев немцы завели из строя несколько пулеметов. Подразделение было обречено на бездействие и отход. Тогда оставшийся невредимым пулеметчик быстро сделал покос: уложил, прикрывая и кой для атаки патронами сверт юрким и быстрым перебежками атаковал бойцов патронами. Бойцы, воодушевленные жи-

вотатель подмошник, выбив врага.

Когда помогаешь другим — помогаешь себе. Выручка, братство в боях позвала русскому войску великую историческую славу. Бойцы Красной Армии умножат эту славу в священной войне против врагов счастливой социалистической родины, покажут миру тайно подвиги, казны не знала история.

В засаде

Еще полужив тяжелым. Пролетит козус тихим, И боем толкну столы. Не удержит нас от зноя. Но флижбал капил нат на дню И пересотли губы за дню. Задыхаю от огноты и пав. Мы враспашку ждем в засаде. Но каждый знает: блонд час. Качнется лес в издрогнут трем. Волга, идушего на нас, Мы встретим огневую завой.

Н. НОВОСЕЛОВ

Победили отвага и мужество

В районе дер. С. и Г. группа бойцов попала в окружение превосходящих сил противника.

Атаке фашистов сначала подвергся взвод в составе трех бойцов — Дмитриев, Андреев и Момсенко. Мужественные бойцы отбили атаку фашистов, нанеся им большие потери.

Вскоре атаке подвергся еще группа в целом. После жестокого отпора на момент, пулеметчик и автоматчик немцы ринулись в стремительную атаку. Малочисленные бойцы Вербицкий повел их вперёд, Халыковичи получили фашистов на короткое расстояние, он метким огнём расстрелял их.

Лишь на следующий день в 6 часов вечера группа вырвалась из окружения. Во время боя в течение более чем суток отстояла ее боеспособность. Бойцы при этом подверглись гранатам убитых фашистов, чтобы отбить атаку немцев.

В бою отличился конструктор Сорокин, пулеметчик Вербицкий и другие. Особенно отличился санитар Иванова. На Иванова напала группа фашистов из 6 человек. Немецкий офицер пытался убить Иванова гранатами. Но растерявшийся Иванов метнулся гранату в упор и убил всех на месте.

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ

«ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ»

Газета 1 Кировской дивизии Ленинградского народного ополчения. Северо-Западный фронт, 3 августа 1941 г.

Страница первая

Собрание Н. Д. Новоселова, Ленинград

были набиты рукописями начинающих... В военной форме Евгений словно помолодел, выглядит веселым и оживленным. Светлые волосы коротко подстрижены. Карманы гимнастерки оттопыриваются от блокнотов и карандашей... Прошло столько лет с того июльского дня сорок первого года, а я как сейчас вижу Панфилова, окруженного бойцами на околице Больших Угородов. Высоким тенорком он запевает задорную, озорную «Челиту», дирижируя зажатой в кулаке прокуренной трубкой. А потом, провожая меня, читает новые, только что написанные стихи о сандружиннице Зине Логус — девушке из-за Нарвской заставы, которая по дороге на фронт «с бойцами накрепко сдружилась и в пути держалась молодцом», а здесь, на передовой, решила овладеть специальностью пулеметчицы.

— О таких, как наша Зина, поэмы писать нужно, — говорит Женя. — Но поэма — дело длинное, а вот очерк о ней написать обязательно надо.

Стихотворение Евгения Панфилова «Дружинница» было напечатано в одном из первых номеров дивизионной газеты. А очерк он так и не успел написать...

Обжились в подразделениях и другие писатели-военкоры: в 3 полку — И. Айзеншток, Г. Гор и А. Голов, в разведбатальоне — А. Рыбасов, в саперном — Г. Кубанский, в батальоне связи — Л. Цырлин... В хим-взводе служил С. Спасский, а В. Лифшиц был политруком одного из подразделений 3 полка.

В боевые порядки, на передний край стараемся ездить по двое, благо имеем возможность позволить себе такую роскошь: недостатка в людях редакция не испытывает, литературными силами писательского взвода можно было бы укомплектовать штаты восьми дивизионных газет.

Запомнились поездки на передовую с Дмитрием Константиновичем Острóвым. Один из немногих в писательском взводе, Дмитрий Острóв с первых же дней пребывания в Действующей армии выглядит кадровым военным, бывалым фронтовиком. Военная форма сидит на его сухощавой фигуре удивительно ладно, даже, пожалуй, элегантно. Вместо солдатских ботинок с обмотками он раздобыл где-то щеголеватые хромовые сапоги, грубый брезентовый пояс заменил кожаным, начсоставским... Ему уже за тридцать, у него трудная биография и солидный на мой тогдашний взгляд литературный стаж — он пишет и печатается больше десяти лет. Рассказы его, обычно очень короткие, в одну-две странички, в предвоенные годы появлялись в журналах довольно редко, писал он медленно — оттачивая стиль, тщательно отделявая фразы. Две его книжки, вышедшие в самом начале 30-х годов, уже успели стать библиографической редкостью. Казалось бы, литератору с такими творческими методами не сразу удастся переключиться на оперативную корреспондентскую работу. Но вдруг все увидели, что Дмитрий Остров, когда это необходимо, может писать очень быстро. А краткость, немногословность оказались именно теми качествами, которые так необходимы малоформатной газете. Он легок на подъем, отважен, умеет быстро найти общий язык с людьми, ориентироваться в любой, самой сложной обстановке.

В последних числах июля мы поехали с ним в артиллерийский полк. В пути попали под бомбежку, потом, уже у самой передовой — под минометный обстрел, чуть было не заблудились, но к концу дня добрались до огневых позиций. Постоянными военными корреспондентами в артполку были прозаик Василий Валов и переводчик Павел Кобзаревский. По всему чувствуется, что они уже стали здесь своими людьми, что артиллеристы относятся к писателям как к давним добрым друзьям.

— Трудновато было сегодня добираться к нам? — участливо спрашивает политрук. — Может, отдохнете с дороги?

Какой там отдых! Дивизион только что вел контрбатареинный огонь, подавлял огневые точки противника, а сейчас бьет по скоплению враже-

ских войск в районе станции Кчера. Бойцы у орудий обливаются пóтом. Пахнет накаленным металлом, горячими пороховыми газами. Остров до-тошно вникает в работу орудийного расчета, записывает имена и фамилии лучших огневи́ков. Кажется, ему самому очень хочется встать у орудия наводчиком или заряжающим...

Командир орудия озорно подмигивает нам и, посылая очередной снаряд по врагу, громко выкрикивает:

— За нашу советскую литературу!

Посылая следующий снаряд, кричит:

— За нашу советскую поэзию!

В редакции мы подробно рассказываем об этой поездке на огневую.

— Так и кричал: «За нашу советскую поэзию!»? — переспрашивает поэт Петр Ойфа.

Мы подумали о том, что если позволит обстановка, надо бы провести в артполку нечто вроде литературного вечера — поехать туда группе поэтов и прозаиков, почитать свои стихи, рассказы... Но осуществить это намерение нам удалось только спустя месяц, уже в городе Пушкине.

Интерес к работе писателей в дивизии огромен. Петру Ойфе довелось почувствовать это, может быть, несколько раньше других. Едва успело появиться в газете «За Советскую Родину» его стихотворение о русской винтовке, как в музыкантском взводе слова положили на музыку, песню уже поют в подразделениях, и, кажется, она станет маршем ополченцев-кировцев. Другое стихотворение П. Ойфы «Походная баллада» напечатано в армейской ополченской газете «На защиту Ленинграда». Я слышал, как бойцы читали его вслух:

Винтовка, скатка, пять гранат.
Гремит походный шаг.
За нами город Ленинград,
Наш дом и наш очаг!

Но главное, чем занят поэт, — это не стихи, а боевая корреспондентская работа. Нет, наверное, такого газетного жанра, кроме, пожалуй, сатиры и юмора, в котором П. Ойфа не выступал бы на страницах нашей «дивизионки». Газетная работа занимает у него почти все время. И только в пути на передовую или с передовой, шагая по обочине проселочной дороги, он становился вдруг молчаливым и сосредоточенным, и вот уже слышалось его невнятное бормотание — рождались строфы новых стихов; иногда он записывал их тут же, на ходу, или присев на минуту на подвернувшийся пенек.

Писатели не забывают о том, что они писатели: пишут фронтовые стихи и рассказы, вынашивают замыслы новых произведений, заполняют страницы записных книжек фактами, впечатлениями, наблюдениями. Но они — не наблюдатели, а бойцы, политработники. Их оружие — боевое печатное слово в газете, живое слово пропагандиста и агитатора — в беседах с людьми. Лекции И. Я. Айзенштока о международном положении слушают и ополченцы, и местное население.

В землянках и траншеях переднего края нередко можно видеть литераторов из «группы историков» при штабе дивизии: прозаика Павла Журбу, фольклориста Александра Нечаева, молодого филолога Алешу Десницкого — сына известного профессора-литературоведа В. А. Десницкого... Журбу и Десницкого мы с Ойфой повстречали однажды в расположении 2 полка чуть ли не у траншей боевого охранения. Гимнастерки их испачканы глиной, лица темны от пыли.

— Бы-то как здесь оказались? — спрашиваем их. — Ведь вы же у нас летописцы, «несторы»... Неужели мало материала в сводках и политдонесениях? Зачем же вам самим по окопам лазать?

— По сводкам и политдонесениям после войны и без нас напишут, — улыбаясь, отвечает Павел Журба. — А мы имеем возможность своими глазами видеть людей, делающих историю. Как же не воспользоваться такой возможностью? Впрочем, сейчас мы здесь не в качестве историков. Приехали сюда по специальному заданию начподдива Подрезова.

...Километры фронтовых дорог. Разговоры о жизни и литературе — серьезные профессиональные разговоры писателей, которые мне, заводскому парню, вчерашнему литкружковцу, дали очень и очень много... Ночевки под звездным небом на разостланных на траве шинелях: на одну шинель ложимся, сунув под головы противогазовые сумки, другой укрываемся. Тревожные ночи первых недель войны... В прогретом за день воздухе к ароматам сосновой смолы и луговых трав ощутимо примешивается запах гари. На горизонте — зарево горящих деревень, даль застлана дымом. Со стороны города Луги слышится гул канонады — там идут упорные, кровопролитные бои...

Первые номера газеты были посвящены, главным образом, боевой учебе во фронтовых условиях. Газета учила бойцов окапываться, писала о способах борьбы пехотинцев с танками, печатала «Памятку пулеметчику», статью «Борьба с самолетами», объявила конкурс на лучший «боевой листок». Но уже к концу июля все большее место на ее страницах начинают занимать материалы о боевых подвигах ополченцев.

Раньше других вошли в соприкосновение с противником наши разведчики и боевое охранение. Разведчики неутомимо прощупывают оборону противника, проникают во вражеский тыл. Нередко им приходится вступать в ожесточенные схватки с гитлеровцами. В 20-х числах июля, возвращаясь из поиска в тылу врага, группа разведчиков 1 полка оказалась окруженной превосходящими силами противника. Чтобы вырваться из окружения, не сдаться фашистам живыми, 15 ополченцев-кировцев вступили в ожесточенный неравный бой. Об этом бое рассказывает напечатанная на первой полосе корреспонденция Сергея Семенова «Победили отвага и мужество». По условиям военного времени писатель не называет подразделение, не говорит прямо о том, что речь идет о разведчиках.

«Лишь на следующий день к 5 часам вечера группа вырвалась из окружения. Беспрерывный бой в течение более чем суток истощил ее боеприпасы. Бойцам пришлось подбирать гранаты у убитых фашистов, чтобы отбить атаки живых, — пишет Сергей Семенов. — В бою отличились помкомзвода Сорокин, пулеметчик Вербицкий и другие. Особенно отличилась сандружинница Иванова. На Иванову напала группа фашистов из шести человек. Немецкий офицер пытался сбить Иванову прикладом. Не растерявшись Иванова метнула гранату и уложила всех на месте».

Это были первые появившиеся в печати строки о подвиге 17-летней комсомолки, бывшей чертежницы Кировского завода Лены Ивановой. Вскоре ее имя стало известно всему Ленинградскому фронту. А через 20 лет о подвиге отважной разведчицы, впервые описанном писателем Сергеем Семеновым в маленькой дивизионной газете, узнали миллионы читателей газеты «Известия», посвятившей рассказу о судьбе Елены Ивановой целую полосу.

В конце июля в разведку во вражеский тыл ходил с группой разведчиков 2 полка писатель Глеб Алексин. Разведка прошла удачно; незамеченные врагом наши бойцы благополучно вернулись к своим, доставив ценные сведения о противнике.

— Видел фрицев в нескольких метрах, слышал их голоса, — рассказывает Алексин. — Немецкие оккупанты на новгородской земле... Не укладывается это в сознании!

«ПИСАТЕЛЬСКИЙ ВЗВОД»

Группа ленинградских писателей-добровольцев. 1 Кировская дивизия народного ополчения

Слева направо: в первом ряду — Л. Цырлин, А. В. Десницкий, А. Н. Нечаев, (стоит) П. Журба (П. Т. Скрипников), С. А. Семенов; во втором ряду — К. И. Высоковский, Л. Т. Браусевич, Д. К. Остров, В. Н. Тоболяков, Г. С. Гор, А. Г. Островский, П. Н. Ойфа; в третьем ряду — Н. Г. Жданов, И. Г. Ямпольский, Е. Д. Люфанов, Ю. И. Слонимский, И. Я. Айзеншток.

Фотография. Северо-Западный фронт, Лужский оборонительный рубеж (деревня Танина Гора под Новгородом), июль 1941 г.

Фотохроника ЛенТАСС, Ленинград

Глеб Алексин — автор острой, дискуссионной повести «Неуч», вышедшей в 1938 г. Редактировал книгу молодого прозаика С. А. Семенов. В дивизионной газете Глеб Алексин выступает с короткими рассказами, которые пользуются большим успехом у читателей, пишет публицистические, военно-пропагандистские статьи. По званию он — рядовой, по должности — старшина взвода литераторов. Для писателей-ополченцев его авторитет в вопросах военного дела, боевой подготовки неоспорим. Вернувшись из разведки, он обучает нас метанию гранат. Потом сядет писать статью для газеты о хитростях врага. Вечером поработает над новым рассказом, и до поздней ночи просидит над толстой клеенчатой тетрадкой-дневником. А утром встанет пораньше, чтобы сходить в покинутую усадьбу потомков декабриста [Муравьева-Апостола, порыться там в старинных книгах...

Наша газета набирает силы, от номера к номеру становится ярче, содержательнее. Более 30 военных корреспондентов-писателей дают каждый день столько разнообразного материала, что им можно заполнить не четыре крохотных полосы, а все сорок. А сколько заметок и статей, писем и стихов поступает в адрес редакции из подразделений! Перед Сергеем Семеновым и Юрием Слонимским стоит нелегкая задача — отобрать из груды этого материала самое интересное, самое нужное. И не только

отобрать... Далеко не все литераторы сразу научились писать достаточно коротко, лаконично. Приходится сильно сокращать, ужимать рукописи, стараясь по мере возможности сохранить особенности языка и стиля авторов. Редактору и его заместителю помогают в этом Дмитрий Остров, Николай Жданов, Алексей Дорохов.

Арсений Островский с Исааком Ямпольским склонились над листами макета. Рядом с макетом пачка свисающих со стола гранок — материалы будущего номера. Выпускающий и ответственный секретарь в очередной раз решают труднейшую головоломку: как разместить все это на тесной площади газетных страниц? Полосы, как говорится, «не резиновые», — на каждой уместается не больше двухсот строк... Наконец, сверстана первая полоса, вторая, третья... С четвертой мороки меньше. На ней прочно обосновался отдел «Прямой наводкой». Владимир Тоболяков, у которого в Ленинградском отделении «Советского писателя» перед самой войной вышла книга «Сибирских рассказов», дает для этой полосы коротенькие, в треть странички, юмористические миниатюры. Леонид Браусевич и Александр Бычков помещают здесь злободневные «Красноармейские частушки», из номера в номер ведут стихотворный фельетон «Наш приятель Ф. Курков», продолжения которого с нетерпением ожидают читатели. А в оставшийся правый верхний уголок страницы можно втиснуть десятистрочное стихотворение Евгения Панфилова...

Обстановка на рубежах дивизии с каждым днем становится напряженнее. Все интенсивнее бьет по нашему переднему краю вражеская артиллерия, пробираться из батальона в роту нередко приходится под огнем, то и дело залегая в воронки и ложбинки, — впереди и сзади, справа и слева оглушительные разрывы снарядов и мин. Усилился пулеметный и ружейный огонь противника. Все чаще на окопы ополченцев обрушиваются массированные удары бомбардировщиков и штурмовиков. По ночам в тылах наших подразделений фашисты сбрасывают на парашютах диверсантов, одетых в красноармейскую или милицескую форму. Для истребления вражеских десантов в подразделениях выделены дежурные машины, организовано круглосуточное наблюдение за воздухом. Уже не стычки патрулей, а настоящие бои идут то на одном, то на другом участке обороны кировцев: просочившиеся через реку Мшага со стороны райцентра Уторгош группы гитлеровцев силами от роты до батальона предпринимают яростные атаки на позиции ополченцев. Все понимают, что это пока что «цветочки», вот-вот следует ожидать появления вражеских танков. Противотанковых пушек и ружей в стрелковых подразделениях нет, недостаточен запас противотанковых и обычных ручных гранат. Бойцам розданы бутылки с горючей смесью. В газете напечатаны статьи: «Способы борьбы пехотинцев с танками», «Уязвимые места немецких танков».

Неподалеку от редакции, в здании школы, расположился медико-санитарный батальон. Туда днем и ночью привозят раненых. Писатели беседуют с легко ранеными, — это дает интересный материал для газеты. Так появились на ее страницах рассказ командира отделения И. Коленбета «Как мы отбили немцев», записанный В. Тоболяковым, «Рассказы пулеметчика Петра Михайлова», записанные П. Ойфой...

Вспоминая сейчас о взводе писателей, мне трудно представить его без Александра Бартэна. Бритоголовый, заразительно хохочущий, он был душой редакционного коллектива. Сколько раз скрашивали нам тяготы первых месяцев войны его оптимизм и юмор! В самый напряженный момент, в полную драматизма минуту могла неожиданно прозвучать Сапина шутка, которой нельзя не улыбнуться, а улыбнувшись — не воспрянуть духом. Ко всему этому, Бартэн обладал незаурядными организаторскими способностями, принимал деятельное участие в планировании газетных

полос, в распределении заданий военкорам. Имелось у него и еще одно качество, к которому все мы относились с искренней симпатией, хотя и добродушно подшучивали над ним: Саша Бартэн был признанным гастрономом. В свободное от других занятий время он охотно брал шефство над нашей импровизированной кухней — и тогда писателям не стыдно было пригласить за обеденный стол гостей из взвода артистов (был в дивизии и такой!), заезжих ленинградских корреспондентов или усталых молоденьких врачей из медсанбата...

Но с некоторой налаженностью фронтового быта в Больших Терибонях вскоре пришлось расстаться. Участились налеты вражеских бомбардировщиков. После бомбежек в разных концах села вспыхивали пожары. Колхозники выкапывали во дворах глубокие ямы, зарывали в них свое имущество — сундуки, швейные машины, а сами уходили в окрестные леса. Перебралась в лес на берегу Луги и редакция. Поставили большую палатку, рядом с ней оборудовали блиндаж. В начале августа прошли грозовые ливни. Ясные солнечные дни сменились пасмурными, серыми, с моросящим дождем. В сумерках над лужскими плесами стелется туман. Ночи похолодали; сено, на котором мы спим в палатке, когда ночуем в редакции, отсырело. По-осеннему темное ночное небо прочерчивают трассы ракет. Над передним краем немцы сбрасывают с самолетов осветительные «люстры».

8 августа на рубежи 1 стрелкового полка двинулись фашистские танки. Стальные громадины с крестами на броне, надрывно ревя моторами, ведя на ходу огонь из скорострельных пушек и пулеметов, устремились через поле к окопам ополченцев. Кировцы понесли большие потери, но выстояли. Несколько немецких танков осталось на поле боя, подбитые связками ручных гранат, подожженные бутылками с горючей смесью. 9 августа я видел их обгоревшие остовы на ржаном поле перед окопами 2 роты. Рожь вокруг танков выгорела, земля зияла воронками. В роте почти не осталось людей — большинство было убито или ранено. Ценой своей крови кировцы удержали рубеж. Захлебнулись вражеские атаки и на других участках нашей обороны.

Два дня фашистская авиация висела над передним краем Кировской дивизии, днем и ночью не умолкал грохот артиллерийского обстрела. 10 августа армейская группировка «Север» с ее главной ударной силой — 4 танковой армией генерала фон Лееба ринулась в наступление на Кингисеппском, Лужском и Новгородском направлениях. Гитлеровская пропаганда без устали трубила на весь мир, что немецкие войска вышли на ближние подступы к Ленинграду и через несколько дней будут на его улицах.

На рубежах Кировской дивизии завязались тяжелейшие кровопролитные бои. По пять, по шесть раз в день гитлеровцы атаковали позиции ополченцев. Атакам предшествовали ожесточенные бомбардировки с воздуха и артиллерийская канонада, от которых люди глохли, задыхались, засыпанные землей, гибли от осколков снарядов и бомб, получали тяжелые ранения и контузии... Потом появлялись танки, а за ними, во весь рост, пьяные, развернутым строем шли в «психическую атаку» немецкие автоматчики. Вынужденные экономить боеприпасы, кировцы подпускали фашистов как можно ближе и открывали по ним прицельный огонь, сами поднимались в контратаку, навязывали врагу ближний бой. Не всегда, может быть, хватало боевой выучки, опыта, воинского мастерства, но — мужества, отваги, самоотверженности кировцам было не занимать. Кончались патроны — ополченцы кололи гитлеровцев штыками, били прикладами, схватывались с ними врукопашную. Раненые не покидали поля боя, оставались в строю, пока руки могли держать оружие. Пленные гитлеровцы на допросах рассказывали, что перед наступлением на рубежи Кировской дивизии их специально предупреждали, что на

этих рубежах стоят ленинградские рабочие-добровольцы, которые презирают смерть и бьются до последнего патрона, предпочитая умереть, но не отступить. «О, теперь мы сами очень хорошо убедились в этом», — говорили пленные³.

Однако силы были слишком неравными. Превосходство немцев в численности и вооружении войск, в танках и авиации было очевидным. К концу дня 12 августа на некоторых участках нашей обороны гитлеровцам удалось потеснить ополченцев.

Все эти дни писатели находились в полках, ведущих бои. В редакции оставались только те, кто непосредственно обеспечивал выпуск номера. Было непривычно, приехав в редакцию, не застать здесь Глеба Алексина. С первых дней немецкого наступления он почти все время находился в частях, передав свои обязанности старшины Александру Михайловичу Бычкову...

Одну за другой гитлеровцы занимают деревни Закибье, Клевенец, Ожогин Волочек, Щепино... В наши тылы прорвались немецкие автоматчики. Создалась угроза окружения. Третий день мы с Петром Ойфой находимся в расположении 2 полка. Его поредевшие роты и батальоны с боями отходят на правый берег Луги, занимают новые оборонительные рубежи. Кроме обычных редакционных заданий, у нас поручение С. А. Семенова: найти в полку Евгения Панфилова и привезти его в редакцию. Материал для газеты собран, Панфилов найден. Втроем раздумываем: как добраться до редакции, где искать ее? По слухам, она перебазировалась с прежнего места стоянки километров на 30 севернее... Решаем идти пешком. Идем знакомой дорогой: месяц назад мы совершали по ней марш от станции Батецкая к линии фронта. Проходим через деревни, где останавливались тогда на привалы, шутили с местными девушками, угощались парным молоком. Сейчас пустынные улицы усыпаны осколками стекол, выбитых из окон взрывной волной. Над тлеющими пепелищами сиротливо и горестно высятся одинокие печные трубы. Вывороченные бомбами яблони простирают к небу свои сухие, заскорузлые корни.

Из сожженных, разбомбленных деревень тянутся вереницы беженцев. На телегах, нагруженных домашним скарбом, сидят тихие, испуганные дети. Сзади тяжело бредут старики и женщины с котомками за плечами. К некоторым повозкам привязаны за рога коровы. Дорога идет полем; справа и слева — густая рожь, спелые колосья склоняются к земле... Мы обгоняем медленно бредущую колонну, унося в памяти полоснувшие сердце рыдания женщин:

— Хлеб на землю течет, а мы от своего хлеба голодовать уходим...

Неожиданно, за деревней Воронино, где свертывается, готовясь к отходу, наш медсанбат, нам посчастливилось встретить машину с корреспондентами газеты «На защиту Ленинграда». Среди ленинградских корреспондентов — поэт Александр Гитович.

— Забирайтесь в кузов! — приглашает он. — Будем искать вашу редакцию вместе.

Много путаницы и неразберихи на горьких путях отступления. Но газета дивизии ополченцев выходит! Отыскав редакцию в какой-то деревушке, мы услышали характерный стук «американки»: в походной типографии печатается тираж очередного номера. Юрий Слонимский, сдав на машинку передовую, разбирает документы пленных гитлеровцев. Леонид Браусевич вычитывает гранки... Когда выходили первые номера нашей газеты, стояли белые ночи. Сейчас середина августа, вечерами быстро темнеет. Завешиваем окна избы плащ-палатками, зажигаем керосиновую лампу. Только собираемся расположиться на ночлег — входит Сергей Семенов:

— Приказано сворачивать хозяйство. Тираж будем допечатывать на новом месте.

В суровых испытаниях мужало и крепло фронтовое братство писателей-ополченцев. В сумятице тех дней, в потоке беженцев и отступающих войск, Алехину, Бакинскому и мне довелось однажды, разыскивая редакцию, застрять на станции Оредеж. Накануне, по пути сюда, в сосновом бору за озером Белое, мы встретили Матвея Мительмана, выводящего из окружения большую группу ополченцев. Встреча была минутной, — он повел бойцов к новому рубежу, а мы направились на станцию, надеясь разузнать что-нибудь у коменданта. Я не знал тогда, что вижу Мительмана в последний раз. Через несколько дней он погиб в бою у лесопункта Чаща, поднимая ополченцев в контратаку... До станции мы добрались уже вечером и, кажется, впервые со дня прибытия на фронт увидели тут зенитные орудия. Они стояли на железнодорожных платформах, медленно удаляющихся от перрона...

— Это последний состав, — сказал нам военный комендант. — Больше поездов не будет. О редакции вашей ничего сказать не могу, в эшелон она вроде бы не грузилась.

Связисты сматывают провод. Саперы закладывают взрывчатку под водонапорную башню и поворотный круг, минируют депо. В магазинчике военторга распродают остатки запасов шоколада и папирос «Северная Пальмира».

Чтобы не плутать в ночной темноте по лесным дорогам, решили заночевать в домике на окраине пристанционного поселка, а рано утром двинуться в путь.

Перед рассветом нас разбудила хозяйка, одетая по-дорожному:

— Мы уходим в лес. И вам советую собираться, не задерживаться.

Улицы поселка пустынные. Густой туман. У станции, скрытой в тумане, полыхает высокое зарево — горит пожарная каланча. Вышли за околицу и остановились на перекрестке трех дорог. Грустно пошутили: «Как три богатыря, коней только, к сожалению, не хватает». Не видно и камня с надписью: «Направо пойдешь...» Карты у нас нет. Отошли в сторонку, присели у обочины — покурить, сориентироваться.

— Направо пойдешь — к фрицам попадешь, — рассуждаем мы: — Потому что эта дорога идет в сторону Новгорода, вероятно, уже занятого противником. Налево пойдешь — наверняка к немцам попадешь: дорога ведет к Луге, о которой мы уже точно знаем, что она в руках гитлеровцев. Прямо пойдешь...

В это время по этой третьей дороге, ведущей на северо-восток, мимо нас со стороны станции Оредеж на бешеной скорости промчалось несколько мотоциклистов. Наши или немцы? В тумане мы не успели разглядеть их. Понемногу рассветает, туман начинает рассеиваться. И вдруг на дороге, по которой недавно промчались мотоциклисты, показывается стремительно летящий к нам знакомый грузовичок с фанерным кузовом — наша редакционная полуторка. На ее крыле, в развевающемся плаще — Митя Остров.

— Я вас, чертей, всю ночь по дорогам ищу! — кричит он.

Шофер Миша Поляков круто разворачивает машину. Рядом с ним, в кабине — Николай Жданов.

Отступая, ополченцы закрепляются на новых рубежах, встречают наступающего врага огнем, контратаками, но под натиском превосходящих сил противника вынуждены опять и опять отходить... На дорогах отступления в одну из ночей погибла наша трехтонка с походной типографией и личными вещами писателей. В редакционной полуторке мы разместили женщин из актерского взвода, больных, раненых. Большинство

писателей идет пешком. Изнурительные ночные переходы, короткие тревожные дневки... Все похудели, осунулись. Очень болезненный вид у Семенова. Даже неутомимый Бартэн шутит реже и реже. Писательский взвод далеко не в полном составе. Мы обеспокоены судьбой товарищей, которых нет с нами, — они выходят из окружения с подразделениями, где находились по редакционным заданиям.

На дороге — пробка автомашин. Впереди нас — машины особого отдела, несколько грузовиков с ополченцами из разных подразделений. С одного из грузовиков ополченцы 2 полка увидели Евгения Панфилова: — Женья! Давай к нам!

Панфилов закинул за плечо карабин, поставил ногу на колесо, перемкнул через борт. За ним — молодой прозаик Андрей Голов. Панфилов помахал нам в последний раз рукой, машина тронулась. Ни Панфилова, ни Голова нам больше никогда не довелось увидеть... Мы двинулись вслед им спустя некоторое время, но километра через два нас остановили бойцы в зеленых фуражках пограничников:

— Дальше нельзя. Дорога закрыта. Поворачивайте назад и следуйте другим маршрутом.

Навсегда осталась в памяти маленькая станция Чолово Витебской железной дороги, между Оредежью и Чашой. В окрестных лесах ведут бои разрозненные, отрезанные друг от друга подразделения ополченцев, многие уже находятся в окружении. Шоссейные дороги перехвачены противником. На станции готовится к отправке последний поезд — паровоз с двумя вагонами.

— Может быть, еще успеет прорваться, — озабоченно говорит начальник станции С. А. Семенову. — Раненых, больных, слабых могу посадить. Только давайте по-быстрому, через пять минут отправляю.

Пассажиры редакционной полуторки перебрались в переполненные вагоны поезда. Туда же удалось устроить больных и наиболее пожилых писателей. Сам Сергей Александрович, изнуренный, с пожелтевшим от болезни лицом, садиться в поезд наотрез отказался.

— Встретимся в Вырице! — напутствовал он отъезжающих товарищей. — Ждите нас там.

Состав тихо, без гудка, тронулся. У опустевшей редакционной машины осталась горстка людей. Сергей Семенов садится в кабину к водителю Мише Полякову. Дмитрий Остров привычно устраивается на крыле. Алехин, Бартэн и я забираемся в кузов. Безуспешно плуруем по окрестным деревням, пытаемся найти дорогу, по которой можно было бы выбраться. Но все дороги оседланы врагом. Ходят слухи, что немцами уже перерезана и железнодорожная линия. Успел ли прорваться поезд с нашими?..

Снова возвращаемся к станции Чолово. В небе гудят фашистские самолеты. Где-то близко рвутся снаряды, с визгом разрезают воздух мины. У станции одиноко стоит грузовик с опущенными бортами, на нем — ручной пулемет, какие-то мешки, ящики. В стороне, в кустарнике — группа военных тревожно совещается о чем-то. От группы отделяется человек в начсоставской форме, с каской на голове, прихрамывая, подбегает к нам. У него потное растерянное лицо, вздрагивающие белые губы.

— Немцы близко, сейчас будут здесь, на станции, — панически шепчет он Семенову. — Бросайте машину, бежим по шпалам!

Сергей Александрович брезгливо отвернулся от труса. И сказал, обращаясь к шоферу Полякову:

— Попробуем вывести машину болотами. Колхозники говорили, что в сухую погоду там можно проехать на лошади. Правда, несколько дней шли дожди, и грузовик потяжелее крестьянской телеги, но другого пути у нас нет. Надо попросить в проводники кого-нибудь из местных...

«КЛЯНЕМСЯ, ЛЕНИНГРАДА НЕ ОТДАДИМ!»

Листовка, распространявшаяся среди войск, оборонявших Ленинград, 1941

Музей Революции СССР, Москва

— Подождите минутку, товарищи писатели! — раздались голоса из кустов, когда наша полуторка начала разворачиваться. — И мы с вами!

Несколько ополченцев, — молодых ребят с завода имени Жданова, — скинули ящики и мешки со стоявшего грузовика, устроились на нем с пулеметом, винтовками и гранатами. Водитель с силой крутнул заводную ручку мотора.

В ближайшей деревне взяли в проводники колхозного парнишку Витю, посадили его в кабину, рядом с Сергеем Семеновым. За деревней обе машины свернули с дороги в лес. Почти сразу же началось болото. Корявые сосенки, березняк, усыпанные спелыми ягодами кусты гоноболи. Острый, дурманивший запах багульника. Под колесами чавкают, погружаясь в жижу, остатки ползатонувшей гати. Увязая выше колен, подпираем машину плечами, толкаем руками. Следом за нами, дружно помогая нам в особенно трудных местах, вытягивают свой грузовик ребята-судостроители. Шаг за шагом, метр за метром... Мы уже мокры по пояс, руки кровоточат, лица искусаны мошкаркой. Где-то справа остаются деревни, занятые гитлеровцами. Витя говорит, что до шоссе осталось совсем немного. Наконец между деревьями блеснула тихая гладь реки Оредеж. По ее берегу идет шоссе, дорога на Вырицу. Оставив машину в лесу, идем на разведку. На дороге никого не видно, шума моторов не слышать. Нашем руками Семенову и Полякову:

— Выезжайте!

На измученном лице Семенова усталая счастливая улыбка:

— Кажется, выбрались!

На полном газу машины мчатся по высокому берегу Оредежи. За Новинкой нагоняем группы ополченцев, медсанбатовских врачей и сандружинниц, успевших выйти со станций Оредеж и Чолово до перекрытия шоссе немцами. В пути подобрали Арсения Островского, потом Виктора Бакинського. Похудевшие, обросшие, измученные, они скупно рассказывают о передрягах, в которых довелось им побывать, выбираясь из окружения.

И вот поселок Вырица. 21 августа 1941 г. Накануне, заняв станцию Чудово Октябрьской железной дороги, немцы перерезали основную магистраль, связывающую Ленинград со страной. Части мотопехоты противника по шоссе Луга — Ленинград движутся к Гатчине...

В Вырицкой поселковой школе, где нашел временное пристанище писательский взвод, слушаем по радио обращение «Ко всем трудящимся города Ленина». Тяжелые, ранящие душу слова:

«Товарищи ленинградцы, дорогие друзья! Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск»⁴.

Мы понимаем, что отныне для всех нас начинается новый, может быть, самый трудный этап войны.

Несколько дней после потери типографской базы наша дивизионная газета не выходила. Но вскоре выпуск ее возобновился. Она выходит в городе Пушкине, печатается в типографии местной газеты. «Не отдадим родного Ленинграда!» — призывает передовая. До Ленинграда от города Пушкина — двадцать пять километров, четверть часа езды на машине... Редакция и взвод писателей разместились в доме № 4 по Пролетарской улице. Дом этот несколько лет принадлежал Алексею Николаевичу Толстому, а после переезда его в Москву стал литфондовским домом творчества. На диване в бывшем кабинете Алексея Толстого — измятые солдатские шинели, противогазовые сумки, на подоконнике — обоймы и гранаты... В столовой — громкие голоса, стук машинки, клубы махорочного дыма. Во всех комнатах двухэтажного особняка поселились писатели-ополченцы. Они пользуются возможностью посидеть за настоящим письменным столом, приводят в порядок свои фронтовые записи, работают над новыми произведениями. В знакомый дом на Пролетарской улице заглядывают ленинградские писатели, приезжающие в Пушкин. В начале сентября у нас побывали А. Решетов, В. Кочетов, М. Михалев, Л. Рахманов, П. Лукницкий. Зашли однажды Вс. Пошехонов и Я. Мерзон, работавшие на строительстве оборонительных сооружений в качестве трудармейцев.

Каждый день с Пролетарской улицы мы ходим на другой конец города — в Шестой военный городок, где находятся штаб и политотдел дивизии, куда прибывают группы ополченцев, вырвавшихся из окружения. Мы проходим мимо здания Лицея, мимо скверика, где на садовой скамейке задумался, подперев рукой кудрявую голову, бронзовый юноша-лицейст. Идем под старыми липами Екатерининского парка, мимо прудов с осенними листьями на темной недвижной воде, мимо Кагульского обелиска и Чесменской колонны, мимо девы с разбитым кувшином, воспетой Пушкиным. Здесь все полно музыкой пушкинских строк, мы вновь и вновь вспоминаем его стихи, говорим о нем, и кто-то вслух читает ахматовское — о Пушкине в Царском Селе: «Смуглый отрок бродил по аллеям...». Этот город неотделим от русской поэзии, русской литературы. Перебираем в памяти имена: Ломоносов, Державин, Лермонтов, Галин-Михайловский, Мамин-Сибиряк, Горький, Блок, Тынянов, Федин... Все эти поэты и писатели бывали здесь, многие из них подолгу жили в этом городе, писали

о нем. Сохранилось здание бывшей классической гимназии, где директорствовал Иннокентий Анненский. В Пушкине живет и работает Вячеслав Шишков, и в нашей редакции все чаще поговаривают, что ему нужно помочь переехать в Ленинград. Живет здесь и тяжело больной Александр Беляев — автор многих широко известных научно-фантастических книг... Город муз, город искусства! Неужели на камни его улиц, на аллеи его парков ступит нога фашиста?..

В кирпичных, старинной кладки казармах Шестого военного городка собралось около 5 тысяч бойцов, командиров и политработников Кировской дивизии. Десятки километров шли они сюда по лесному бездорожью, утопая в болотах, неся на руках раненых товарищей. За их плечами недели тяжелых невзгод и лишений, боев на многих рубежах, где кировцы стояли насмерть. Скорбные залпы винтовочных салютов гремели над братскими могилами ополченцев на всем пути отступления дивизии. Героически дрались с гитлеровцами, вырываясь из вражеского кольца, группа полковника Лебединского. За боевые заслуги перед Родиной более ста человек из этой группы представлены к награждению орденами и медалями. Мужеству и отваге их редакция целиком посвятила очередной номер дивизионной газеты. На ее первой полосе, под передовой «Слава храбрым!» напечатана песня Вл. Лифшица «Сто героев». Автор песни прошел с группой Лебединского весь многокилометровый путь от лужских рубежей до города Пушкина... Инструктор политотдела Даниил Герман, выходя с боями из окружения, принял на себя командование подразделением. Где-то в лесах и болотах еще пробивается с группой ополченцев сквозь цепи гитлеровцев писатель Павел Журба...

В казармах военного городка литераторы проводят многие часы, слушая и записывая рассказы воинов. Не забыли мы и о том, что когда-то собирались провести литературный вечер в артиллерийском полку. В казарму к артиллеристам пришли Д. Остров, Г. Алехин, П. Кобзаревский, Г. Гор, Г. Кубанский, П. Ойфа... Радостно было увидеть знакомые лица командиров орудий, наводчиков, заряжающих. Но среди них мы уже не находим многих, очень многих из тех, с кем встречались в июле на огневых позициях у реки Луги.

Газета «За Советскую Родину» выходит регулярно, теперь уже не крохотной четырехполоской, а на двух полосах большого формата. Но 1 Кировской дивизии народного ополчения фактически уже не существует. Срочно укомплектованы и отправлены на Карельский перешеек, в состав 23 армии, 3 стрелковый полк и медсанбат. Подразделение, сформированное из остатков 2 полка, ушло на боевые позиции под Красное Село. В военном городке в Пушкине остались сильно поредевший, понесший большие потери 1 стрелковый полк, часть артиллерийского полка и несколько мелких подразделений. Уменьшился и взвод писателей. В редакцию газеты «На защиту Ленинграда» перешел Н. Жданов. В распоряжение ТАСС направлены Г. Гор, Е. Люфанов, Л. Цырлин, И. Ямпольский. Отозван в Ленинград Ю. Слонимский...

11 сентября полк кировцев под командованием полковника Лебединского занял линию обороны на юго-западной стороне Екатерининского парка. 13 сентября немцы подвергли город бомбежке и артиллерийскому обстрелу. В этот же день Глеб Алехин с группой бойцов из полка Лебединского направился в разведку к станции Александровская; разведчики принесли сведения о силах врага, о штабе немецкого подразделения, расположенного недалеко от станции... Несколько дней наши бойцы героически сопротивлялись натиску врага. В Екатерининском парке, у Камероновой галереи горстка ополченцев-кировцев встретила фашистов контратакой...

Во второй половине сентября остатки ополченской дивизии, вместе со взводом писателей и редакцией передислоцировались в поселок Петро-

Славянка. К тому времени я уже был военным корреспондентом областной комсомольской газеты «Смена»...

25 сентября 1941 г. Ленинградская армия народного ополчения была расформирована. 28 сентября батальонный комиссар С. А. Семенов сдал в Петропавловской крепости нашу редакционную полуторку, а в Политуправлении фронта — все остальное редакционное хозяйство. Взвод писателей, существовавший два с половиной месяца в составе ополченской дивизии Нарвской заставы, закончил свой боевой путь. Но для большинства литераторов, принявших боевое крещение на лужских рубежах в июльские дни 1941 года, фронтовые дороги только начинались. От стен Ленинграда они протянулись к Украине и в Прибалтику, к Праге и Берлину.

Не всем довелось дожить до дня Победы. В январе 1942 года умерли в военных госпиталях тяжело заболевшие на фронте С. А. Семенов и А. М. Бычков. В блокадном Ленинграде погибли от голода и лишений В. И. Валов, В. Тоболяков, Л. Цырлин. Не встретили с нами 20-летие великой Победы Л. Т. Браусевич, А. П. Рыбасов, С. Д. Спасский, скончавшиеся уже в послевоенные годы.

На моем столе книга «Девятьсот дней» — изданный Лениздатом сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В первом разделе сборника — большой очерк И. Айзенштока и А. Бартана «Ополченцы». Этот очерк об ополченцах 3 полка нашей дивизии авторы писали осенью 1941 года в Сестрорецке по живым впечатлениям июльских и августовских боев. Впервые он был опубликован летом 1942 года в журнале «Звезда», возобновившем свой выход после блокадной зимы. В том же номере журнала напечатаны рассказы В. Тоболякова, написанные на материале Кировской дивизии.

«Придет день» — называется роман Виктора Бакинского, выпущенный в издательстве «Советский писатель». Многие страницы этой книги очень живо и достоверно воссоздают обстановку, в которой довелось воевать ополченцам-кировцам на древней новгородской земле в памятные летние месяцы первого года войны. В героях романа я узнаю черты хорошо знакомых мне по заводу и ополченской дивизии, дорогих для меня людей.

Рассказы, рожденные в те незабываемые дни, я нахожу в книгах Дмитрия Острова, стихи — в поэтических сборниках Петра Ойфы и Владимира Лифшица.

30 июня 1963 г. мне и Петру Ойфе снова довелось побывать в местах, где когда-то начинался наш фронтовой путь. В этот день в деревне Воронино Новгородской области, неподалеку от Больших Терибонь, состоялось торжественное открытие памятника ополченцам-кировцам, героически погибшим в сражениях на лужских рубежах в июле—августе сорок первого. Мы стояли в почетном карауле у двух бетонных пирамид-стел, напоминающих своей формой надолбы. Они высятся над братской могилой ополченцев как символ стойкости, мужества, героизма.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЛПА, ф. 408, оп. 2, ед. хр. 49, л. 117.

² Цит. по кн.: «Создадим историю заводов Ленинграда». Л., 1958, стр. 157.

³ Архив МО СССР, ф. 32, оп. 22149, ед. хр. 6, л. 170.

⁴ «Ленинградская правда», 1941, № 199, 21 августа.